

лет, однако очевидно, что включительно до Нестора — составителя старшей редакции Повести временных лет — все летописцы в той или иной мере дополняли свое изложение устным материалом, по-разному, как увидим, передавая его.

Чем более отдалена от летописца описываемая им эпоха, тем, естественно, чаще прибегает он к народному преданию. Поэтому дохристианский период русской истории особенно обильно расцвечен материалом устного происхождения. Родовые предания („устные летописи“) и предания, связанные с памятными местами, объясняющие их имена, описывающие приуроченные к ним события, подробности биографий исторических лиц IX—X и даже начала XI в. — вот что преобладает среди этих устных источников летописания XI—XII вв. Эти источники давали то более или менее подробные рассказы, содержавшие лишь фактические сведения, то эпически переработанные исторические припоминания. Эта последняя группа устных источников летописи, опиравшаяся также на реальную основу, уже не ограничивалась воспроизведением фактов. Художественное обобщение этих фактов, их истолкование хранителями преданий характеризовали восприятие действительности определенными группами населения в изменявшихся условиях исторической жизни восточнославянских племен.

Мы не имеем возможности установить точно, какую устную форму имело большинство таких эпически обработанных воспоминаний о событиях и лицах, упомянутых на первых страницах русской летописи. Были ли это предания-сказы или песни, рассказывались они или распевались, — для решения этого вопроса следы таких устных памятников в летописи не дают оснований. Однако некоторые приемы эпической переработки исторических рассказов сохраняются даже и в своеобразной передаче летописца. Именно такие летописные эпизоды и позволяют судить о характере восприятия древне-русским книжником фольклора, как особой формы отражения исторической действительности.

Более того, мы наблюдаем затем появление этих специфических средств устного эпоса в литературной манере летописцев (и вообще в литературном эпосе XI—XII вв.), когда они уже самостоятельно, независимо от „неписаной истории“, творчески осмысливают свои наблюдения над исторической действительностью. Заранее следует оговориться, что появление в литературном эпосе, с первых его страниц, таких родственных устной эпической традиции приемов не должно сводиться к „влиянию“ одной области словесного творчества на другую. Родство метода опирается на близость исторического сознания, выросшего в данных исторических условиях. Чем больше писатель в своем классовом осмыслении событий будет отходить от народного поэта, тем реже и слабее будет ощущаться и родство их сознания и метода. Чем глубже будет разница в самом понимании писателем и народным поэтом изображаемых событий, тем более внешними окажутся в литературе эти отзвуки фольклора. Фольклор древней Руси не пред-